

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 1(091)

Искусство и культура: эстетические идеи В. Э. Сеземана**В. Н. Белов*

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Для цитирования: *Белов В. Н.* Искусство и культура: эстетические идеи В. Э. Сеземана // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 2. С. 231–241. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.207>

В статье приводится анализ эстетических взглядов одного из интересных и самобытных, но пока еще, к сожалению, малоизученных русских философов — Василия Эмильевича Сеземана (1884–1963). Показано, что эстетика занимала ведущее положение в философских построениях Сеземана, оставаясь при этом всецело встроенной в систему философии русского мыслителя. Продолжая традиции трансцендентальной философии, Сеземан полагает эстетику в качестве общетеоретической дисциплины, объединяющей в себе все частные и отдельные исследования темы прекрасного. Как и в его теории познания, основополагающим элементом его эстетики становится феномен переживания, представляющий собой общую допредметную основу всей философской системы Сеземана. При этом, однако, эстетическое переживание в отличие от переживания как такового есть переживание особого рода. При выявлении специфики эстетического переживания особое значение русский философ придает исследованию проблемы формы, что объясняет его внимание к творчеству русских формалистов. Полемизируя с формалистами и немецким теоретиком искусства Генрихом Вельфлином и отстаивая характер формы как живой и ритмичной, он видит и позитивные стороны этих учений. Свои эстетические идеи Сеземан развивает в дискуссии с современными ему эстетическими теориями. Подчеркивается, что к проблемам эстетики Сеземан обращался в течение всей своей жизни и высказывал свои соображения по самым разным эстетическим проблемам: от теоретико-методологических до конкретно-практических и даже прикладных. В своей эстетической концепции Сеземан пытается продуктивно синтезировать неокантианский и феноменологический подходы.

Ключевые слова: эстетика, культура, искусство, художественная форма, формализм, неокантианство, феноменология.

* Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Введение

Обращение русского философа к проблемам эстетики естественно. Эстетика — составная часть любой широкой философской системы. Василий Эмильевич Сеземан (1884–1963), один из интересных и самобытных, но пока еще, к сожалению, малоизученных русских философов, отличается как раз системным мышлением, а потому включение им эстетики в сферу своих рассуждений выглядит вполне закономерно. Кроме того, можно сослаться на ряд биографических фактов, которые также могут послужить основанием для заключения о закономерном характере обращения русского философа к проблемам эстетики¹. Ну и, наконец, некоторый профессиональный вызов времени, когда эстетика, по мнению Сеземана, осталась единственной из философских наук, «которой до сих пор не коснулось брожение, охватившее в последнее время всю духовную культуру и в особенности философское мышление» [2, с. 185].

Несомненно, что все перечисленные основания в той или иной степени послужили причиной появления тех объемных работ русского автора, которые он посвятил выяснению проблем эстетики. Самостоятельная творческая мысль русского философа двигалась в двойном направлении, и эстетика была составной частью этого движения, выполняя опять же двойную роль. Поясним данное суждение цитатой из самого Сеземана. Определяя основную тенденцию современной ему научной философской мысли, русский философ находит ее в методологических устремлениях и исканиях. Причем в отличие от таковых науки XVII в., когда решалась задача поиска универсального метода, современная Сеземану методология более озабочена, по его мнению, поиском разграничений и особенностей в различных научных областях. Отсюда и двоякая направленность современной методологии. «С одной стороны, — отмечает Сеземан, — исследования ее устремлены к последним логическим основам знания, а с другой, она обнаруживает сугубо внимательное и любовное отношение к фактической стороне науки, т. е. к своеобразию бытия каждой из тех объективных данностей, которые подлежат ее изучению» [3, с. 117]. Эстетика здесь в общей структуре философского знания представляет у Сеземана прикладную, фактическую сторону и вместе с тем сама включает в себя как теоретическую логическую часть, в которой исследователь стремится определить последние основания эстетического отношения к действительности, так и конкретную, прикладную часть в виде отдельных видов искусства.

Основная трудность для построения эстетики

Рассмотрим подробнее основные положения эстетических построений В.Э.Сеземана. Свое главное произведение, посвященное эстетике, он начинает с определения ее объекта: «Эстетика, — отмечает Сеземан, — это та часть философии, которая исследует особенность эстетических феноменов и объясняет их сущ-

¹ Тут можно упомянуть в частности родство с финским поэтом и прозаиком Генри Парландом (Henri Parland, 1908–1930). Т.Боц-Борнштейн (Botz-Bornstein) приводит письмо Парланда от 3 июня 1929 года, в котором тот описывает время, проведенное со своим дядей В.Сеземаном (см.: [1, р. 131]). Тесные дружеские отношения в 1910–1920-х годах с формалистами В.М.Жирмунским и Б.М.Эйхенбаумом, первый из которых написал Предисловие к книге Сеземана «Эстетика», вышедшей в 1970 г. на литовском языке.

ность и значение. Конечно, это определение только формальное и предварительное. Оно указывает на то, что эстетика является независимой дисциплиной, имеющей свой собственный объект. И на то, что исследуется объект, которому приписывают эстетическую ценность» [4, р. 1]. И сразу же обращает внимание на те трудности, которые ждут любого исследователя эстетических проблем: «Поскольку объектом эстетики, — пишет он, — является значимая вещь, доступная только специальному акту восприятия и оценки, то это вызывает множество трудностей, которые могут быть разрешены в том случае, если мы будем стремиться обеспечить для эстетики прочную научную основу» [4, р. 2]. Такое самое общее описание основной трудности в исследовании эстетики Сеземан раскрывает далее в трех модусах анализа: а) в сложностях определения критерия красоты; б) в выяснении отношения между эстетикой и живым искусством; в) в специфике эстетического опыта.

В другой своей работе Сеземан указывает на несколько иную трудность для эстетики: «Самое главное затруднение для эстетики — это установление предметного единства эстетического бытия» [2, с. 186]. В третьей работе по эстетике мы встречаем еще одно указание на то, какую сложную задачу необходимо прежде всего решать ее исследователю: «...во всяком эстетическом исследовании должен быть прежде всего ясно поставлен и решен вопрос о подходе к непосредственной данности эстетического предмета» [5, с. 426].

Но различия в определении эстетической трудности в разных работах Сеземана только кажущиеся. В целом же все они повторяют одно и то же: для более правильного и выверенного эстетического, что значит — теоретического, рассуждения следует более внимательно взглянуть в то, по поводу чего производится это рассуждение. Поэтому прежде всего следует отказаться от предваряющих само рассмотрение эстетического объекта теоретических построений, которые изначально определяют позицию исследователя, превращая ее в субъективно-детерминированную, затрудняя, а то и делая невозможным непосредственный контакт исследователя со своим объектом. Но и отказываться от научного обоснования искусства также нельзя, поскольку в противном случае человечество ожидает полный хаос в эстетических предпочтениях.

Таким образом, в эстетическом исследовании Сеземан выделяет три основных стратегических момента: 1) отказ (редукция) от всех предварительных теоретических построений, будь то идеалистические или материалистические; 2) поиск первоосновы эстетических представлений, для чего необходимо привлечь не только философские методы, но и 3) активно задействовать методы и достижения отдельных направлений в конкретных видах искусства.

Важным методологическим моментом в рассмотрении эстетических проблем В. Э. Сеземан считает и вопрос о самом субъекте эстетических суждений. Кто же может претендовать на то, чтобы быть эстетиком? И это отнюдь не праздный вопрос, поскольку, с одной стороны, эстетика — научная дисциплина и поэтому должна соответствовать всем критериям научного знания. Однако абсолютизация научности, которая, в свою очередь, определяется ориентацией эстетики на методологию естественных наук, ведет к потере истинного предмета эстетического исследования, поскольку исходит не из первичной данности своего объекта, а изначально производя над ней субъективные научные манипуляции. С другой стороны, эстетика имеет дело с той реальностью, которая, казалось бы, ничего общего

с научной реальностью не имеет. Эти разноплановость и противостояние сторон друг другу очень часто приводят к тому, что эстетические теории ради сохранения видимого, внешнего единства этих своих необходимых сторон предпочитают полагаться на одну из них, делая ее определяющей за счет недоучета второй. Отсюда, по мысли Сеземана, происходят рецидивы либо чрезмерной объективизации, либо субъективизации эстетических построений.

Выход тут может быть только один: эстетические идеи может разрабатывать человек, обладающий одновременно способностями художника и ученого. При этом, как полагает философ, первые даже важнее вторых. Чтобы как-то пояснить эту свою позицию, он прибегает к аналогии работы переводчика, когда для правильного и адекватного перевода с одного языка на другой требуется, чтобы переводчик хорошо владел обоими языками².

Эстетика в системе философии

Как уже было отмечено, эстетика Сеземана при всей своей самостоятельности является в то же время частью его философской системы. Продолжая традицию неокантианских школ философии, русский философ в своей теории познания отталкивается от необходимости определения тех первичных данностей реальных фактов, которые и изучает та или иная конкретная наука. В своих многочисленных трудах, посвященных теории познания, Сеземан выявил, что такой первоначальной данностью может быть только феномен переживания, как тот глубинный феномен человеческого существования, который еще не содержит в себе необходимо для познания деления на объект и субъект познания.

Какова же непосредственная данность эстетического предмета? Согласно Сеземану и его теории познания — это тоже переживание, но переживание особое, эстетическое или художественное, причем опять же «не как момент или состояние в жизни воспринимающего субъекта, а как некоторое довлеющее себе замкнутое целое» [5, с. 426].

Философ стремится обосновать именно первичность такого рода переживания тем, что оно на самом деле должно пониматься не чисто субъективно, не чисто объективно. «...Не на психические отражения художественного произведения, — подчеркивает Сеземан, — не на вызываемые им душевные реакции направлен интерес эстетики, а на предметную основу этих субъективных впечатлений, которая наличествует в самом переживании. Но, с другой стороны, ясно, что эта предметная основа не есть явление физического порядка; она не может быть без оговорок отождествлена с самим произведением искусства, поскольку оно трансцендентно эстетическому переживанию и существует независимо от него» [5, с. 426]. И еще раз настаивает на первичности эстетического переживания для эстетики: «Ибо то, что находится вне переживания, не обладает настоящей эстетической реальностью» [5, с. 426].

² Здесь следует отметить, что Сеземан говорит о вещах, знакомых ему в его собственном опыте: кроме профессионального занятия философией, он был еще хорошим музыкантом, играл на виолончели, устраивал в своем доме музыкальные вечера. Еще более серьезным был у него опыт перевода: укажем лишь на то, что свои работы он писал на трех языках (русском, немецком и литовском), перевел с русского на немецкий учебник Н. О. Лосского «Логика» (1927) и с древнегреческого на литовский трактат Аристотеля «О душе» (1959).

Чем же отличается эстетическое переживание от переживания как такового? Эстетическое переживание (непосредственное художественное восприятие), согласно философу, в отличие от переживания обычного включает в себя в качестве необходимого компонента момент оценки, который, собственно, и позволяет отделить эстетическую реальность от реальности эмпирической³. Таким образом, первичная эстетическая реальность как живое художественное восприятие понимается и постигается через непосредственное эстетическое переживание, в котором имплицитно присутствует и момент оценивания. Однако здесь, дабы избежать обвинений в субъективизации эстетического познания, требуются дополнительные пояснения как в отношении феномена оценки, так и в отношении феномена эстетической реальности. И Сеземан их приводит. Прежде всего он настаивает на том, что оценка, заключающаяся в первичном эстетическом переживании, есть «оценка особого рода: она безотносительна и в этом смысле категорична, она просто устанавливает и признает художественную ценность, противопоставляя эстетическое бытие не эстетическому, но не производя при этом никакой градации внутри сферы эстетического» [3, с. 121].

Следующим, высшим, определяющим уровнем эстетической оценки, обогащенной теоретической рефлексией, прошедшей ее горнило и определенным образом включившей ее в себя, является уровень телеологической сравнивающей оценки. В ней как бы объединяются две противостоящие друг другу, на первый взгляд, в эстетическом анализе сюжетные линии: объективная закономерность, диктующая художнику и исследователю художественного творчества ту или иную его позицию, и свобода творчества, абсолютная независимость творца от каких-либо внешних или внутренних детерминант; единство и самодостаточность эстетического объекта и его внутренняя композиционность, структурность. Поэтому на этом уровне, по Сеземану, эстетическая оценка должна сочетать в себе неразрывно два приема: анализ и сравнение.

Задача научного анализа в данном контексте сводится к тому, чтобы исходя из художественного восприятия найти адекватную этому восприятию эстетического объекта установку сознания, выделить, по выражению самого Сеземана, «доминанту» (термин, который он заимствует у Б. Христиансена) в композиционном построении эстетического объекта, иными словами, уловить (раскрыть) его смысл. Тем не менее научный анализ в эстетике русского философа естественным образом оказывается в абсолютно зависимом и подчиненном положении: с одной стороны, от художественного восприятия, являясь его производным, с другой — той целесообразностью эстетического объекта, которая не находит никакой цели вне своего объекта.

Не должна теряться или игнорироваться связь понимания прекрасного, понятия красоты с эстетическим переживанием, лежащим в его основании, по убеждению Сеземана, и тогда мы ведем речь о таком феномене, как духовная красо-

³ Этот момент в характере эстетического феномена в философии Сеземана роднит его позицию с философией ценностей Баденского неокантианства. И в целом следует указать на самостоятельный и творческий подход русского философа к концепциям основных философских направлений начала XX в., что позволяло ему, ученику Г. Когена (H. Cohen) и П. Наторпа (P. Natorp), включать в свою систему идеи не только других неокантианских школ, но и идеи феноменологии и новой онтологии. Более подробно см.: [6, с. 411–424].

та⁴. Философ обращает внимание на тот факт, что рационалистическая традиция, ведущая свое начало с учения об идеях Платона, в высшем единстве идей истины, добра и красоты растворяла самостоятельность последней в идее блага, которая имплицитно понималась как единство истины-добра. В чем заключается специфика фактора красоты в таком единстве Сеземан, к сожалению, не проясняет. Он лишь подчеркивает необходимость установить в этом высшем духовном единстве самостоятельность и автономность красоты. А таковое возможно только если мы сможем обнаружить свидетельства эстетического переживания в моментах высших проявлений как нравственной, так и умственной жизни человека.

Проблема художественной формы

Как в теории познания Сеземан устанавливает научную реальность в качестве реальности допредметной в феномене чистого знания, так и в эстетике он указывает на такую первичную, а следовательно, определяющую все остальное, относящуюся к эстетическому, эстетическую реальность, которая и допредметна, и отлична от научной допредметности. Такой допредметной эстетической реальностью философом определяется художественная форма.

Здесь Сеземан видит необходимость еще больших уточнений и объяснений, чем в случае с понятиями эстетической оценки и эстетической реальности. Ведь за понятием формы уже укоренились определенные смыслы, которые русского философа не устраивали. Поэтому Сеземан производит уточнение понятия формы через понятие структуры: «...важно, — пишет он, — использовать термин, который, с одной стороны, не был бы так тесно связан с впечатлениями от видения и осязания, как понятие формы, а с другой, подчеркивал *живописность* или *живость* художественной композиции (эстетического объекта). Этим двум требованиям, по нашей приблизительной оценке, удовлетворяет термин *структура*. Разговор о структуре уделяет одинаковое внимание как расположению элементов (или частей), так и их природе, поскольку структура — это внутренняя или органическая совокупность, в которой отношения между элементами тесно связаны с их существенными качествами; она охватывает не только то, что обычно называют формой, но также и материю, которая есть оформленное бытие. Исходя из этого ясно, что форма, понимаемая как принцип упорядочивания эстетического объекта, есть не что иное, как его разумная структура» [4, р. 74]. И, таким образом, предпочитает говорить не о форме, а о структурной форме, поскольку форма «в смысле структурной формы есть именно то организующее начало, которое определяет собою все в художественном произведении... Структурная форма обнимает в одинаковой мере и формальные факторы, и предметно-смысловые факторы в художественном произведении. В этом смысле сюжет, композиция есть такой же формальный момент, как и все те факторы, которые обусловлены самой природой чувственного

⁴ Исследователь творчества Сеземана Далиус Йонкус (Dalius Jonkus) из Литвы опубликовал рукопись русского философа «Духовная красота» из рукописного фонда философа, хранящегося в Вильнюсской библиотеке. Это два двойных листочка, исписанные карандашом. Автор этой статьи работал с указанным фондом Сеземана в 2009 г. и переписал эту работу философа, как оказывается, не зря, так как некоторые слова, которые Йонкус при своем более позднем обращении к этой архивной рукописи не разобрал, были еще вполне читабельны, см.: [7, с. 542–545].

материала. Структурная форма не напечатлевается художником на обрабатываемый им материал, как нечто чуждое, извне привносимое, а осуществляет и выявляет лишь те эстетические возможности, которые в нем самом заложены, которые укоренены в его собственной природе. Только на таком понятии формы и может быть построена объективная эстетика, как учение о предметном строе эстетического» [2, с. 187].

При всем уважении к заслугам школы формалистов и школы Генриха Вельфлина (Heinrich Wölfflin)⁵, Василий Сеземан полагает, что именно его усилия по построению эстетики как учения о структурной форме способны преодолеть предрассудки интеллектуализма и психологизма, которые до конца не изжиты и в этих школах.

Именно такая эстетика, по убеждению философа, выявляя общую основу художественного творчества, способна навести мосты между искусством и культурой, с одной стороны, с другой — выявляя специфику художественной формы в различных видах искусства, вести речь об особенностях каждого отдельного вида художественного творчества.

Эстетика и культура

Обращаясь к анализу современной ему ситуации с развитием культуры, Сеземан констатирует два вызова для эстетики: один вызов можно условно назвать позитивным, исходящим из того факта, что получила распространение не кабинетная эстетическая ученость, а непосредственная обращенность к объектам художественного восприятия, т. е. к самим произведениям художественного творчества. И он сам идет вслед такой тенденции, стремясь как раз выделить сложности и опасности, которые встречаются на этом пути. Для этого он посвящает отдельные свои работы истории искусства, специфике поэтического, музыкального и художественного творчества и связи этих сфер с эстетикой.

Другой вызов можно обозначить как негативный. В статье «Эстетическая культура и эстетическое образование» (1924) Сеземан пишет о серьезной опасности, которая грозит именно современной эстетической культуре: «Культура нашего времени, по сути, демократична... В то же время она чрезвычайно сложна по своей внутренней структуре... Таким образом, отдельный человек не может воспринимать всю культуру... Теперь именно этот широкий слой полукультурных людей... представляет большую угрозу для развития культуры, чем совершенно необразованные люди и откровенные варвары... Истинное творчество заменяется механическим воздействием; художественное воображение ослабевает, скрывая свою слабость действием внешних эффектов» [8, р. 33]. И далее «...народная культура медленно, но верно умирает, многие из ее ветвей увяли навсегда... Культура промышленного города одолевает и уничтожает культуру поселка и деревни. Поскольку промышленность, опирающаяся на распространяющую свое влияние технологию, растущими темпами уничтожает существующие национальные особенности и различия, то и культура, связанная с ней, все более приобретает международные черты... Народные танцы и игры вытесняются новыми танцами без родины. На-

⁵ У Вельфлина Сеземан учился во время своей заграничной командировки в 1910–1912 гг.

родные промыслы уступают место фабричным артефактам на вкус среднего европейца» [8, р. 34].

Как же этому противостоять? — задает справедливый вопрос Сеземан. По его мнению, одним из действенных способов противостояния этим негативным тенденциям в области культуры являются эстетическое обучение и воспитание. Опираясь на свой опыт преподавания в учебных заведениях и воспитания своих детей, а также на данные психологии, он уверен, что в раннем детстве психика детей аналогична психике первобытного человека и вместо истории искусства, которая «нагружает» память учеников чрезмерным количеством фактов, следует преподавать народное творчество. «Народная сказка с ее изумительной фантазией и простой мудростью, веселая радость и глубокая печаль народной песни, яркое разнообразие народных ритуалов, игр и танцев — все это несет в себе особое очарование для ребенка, все это укореняется в его душе.... Огромное образовательное преимущество народного искусства, — делает вывод Сеземан, — заключается в том, что благодаря своей простоте оно не подчиняет себе разум и способности ребенка, не подавляет его индивидуальных поисков и усилий, а наоборот, пробуждает и приводит к зрелости его собственные творческие способности» [8, р. 35].

Интересные замечания относительно необходимости гармоничного развития души и тела мы находим в работе Сеземана «Физическое воспитание и эстетическая культура» (1935). Здесь он развеивает миф о том, что у Платона тело есть темница души. Все на самом деле не совсем так. В основе образования у Платона — гимнастика и музыка. Это значит что, на начальной стадии телесные и душевные способности должны быть едины, т. е. Платон «не рассматривает тело и душу как несовместимые предметы, стоящие на пути друг друга, но, напротив, считает, что их непрерывное и гармоническое взаимодействие является необходимым и сущностным условием для процветания человека» [9, р. 39]. Таким образом, речь идет не о разнице между душой и телом, а об их взаимодействии, и только из этого единства может происходить дифференциация умственных и физических способностей. Не гимнастика для тела, а музыка — для души, а вместе и та и другая формируют целостный психофизический организм человека⁶. Это и составляет идеал древнегреческой калогатии.

Еще одна тема в эстетике Сеземана — это соотношение национального и интернационального в культуре. Данную тему он рассматривает, в частности, в статье «Вопрос о национальной культуре» (1934). Прежде всего философ оправдывает феномен национальности, полагая его необходимым моментом процесса индивидуализации человеческого бытия. По мнению Сеземана, следует не противопоставлять универсальность и национальность, но понимать последнюю как необходимый момент конкретизации этой самой универсальной человеческой природы и культуры. Так же неверно приписывать национальности только консервативно-охранительные функции в жизни культуры. И здесь следует правильно понимать связь прошлого, настоящего и будущего. Прошлое имеет ценность только в том случае, если оно получает легитимацию в настоящем. Будущее открыто нам всеми своими потенциальными возможностями, и какие из них будут реализованы — зависит в том числе и от того, каким образом и насколько продуктивно мы сможем ис-

⁶ Похожие мысли Сеземан высказывает и в своей работе «Спорт и современная культура» из рукописного фонда философа, подготовленной к публикации Д. Йонкусом, см.: [10, с. 533–539].

пользовать опыт и потенциал прошлого. Поэтому Сеземан призывает однозначно бережно относиться к культурным и национальным достояниям прошлого и воспитывать такую чувствительность, которая позволит актуализировать то, что было добыто предыдущими поколениями.

Философ убежден в том, что «способности человеческого бытия и национальные творческие способности пробуждаются и укрепляются только тогда, когда они глубоко погружаются в свою культурную деятельность. Глубокая культура также органична, и органическая культура не может быть никакой иной, нежели национальной» [11, р. 52–53].

В своих статьях Сеземан призывает к воспитанию у подрастающего поколения эстетического восприятия природы, результатом чего должно стать бережное отношение к природным богатствам и другие проявления любви к родному краю, тому месту, где живешь сам и живут твои родные и близкие.

Заключение

В эстетических взглядах Василия Эмильевича Сеземана как нельзя более отчетливо проявились основные черты всего философского творчества русского мыслителя.

Во-первых, именно в них отчетливо выразились черты самостоятельного и оригинального подхода, который учитывает и использует основные достижения самых разных философских школ и направлений как в прошлом, так и в настоящем. В своей эстетике русскому мыслителю удалось представить продуктивный синтез основных эстетических идей немецкого неокантианства и феноменологии.

И, во-вторых, Сеземану в его эстетических построениях удалось непротиворечивым образом сочетать универсальность и конкретность, продемонстрировать в эстетике как науке тесную связь общетеоретических и практических задач и целей.

Поэтому можно надеяться на то, что эстетические идеи русского философа станут объектом достойного внимания специалистов и исследователей самого разного профиля и направленности.

Литература

1. Botz-Bornstein, T. (2006), *Vasily Sesemann Experience, Formalism and the Question of Being*, Amsterdam, New York: Rodopi.
2. Сеземан, В. Э. (1927), Искусство и культура (к проблеме эстетики), *Версты*, № 2, с. 185–204.
3. Сеземан, В. Э. (1922), Эстетическая оценка в истории искусства. (К вопросу о связи истории искусства с эстетикой), *Мысль. Журнал Петербургского философского общества*, ред. Радлов, Э. Л. и Лосский, Н. О., № 1, с. 117–147.
4. Sesemann, V. (2007), *Aesthetics*, trans. from Lithuanian by Drunga, M., ed. and introd. by Donskis, L., Amsterdam and New York: Rodopi.
5. Sezemanas, V. (1925), О природе поэтического образа, в: *Humanitario faculteto raštai*, кн. 1, Kaunas, с. 425–481.
6. Белов, В. Н. (2017), Современные исследования творчества Василия Сеземана за рубежом, *Horizon. Феноменологические исследования*, т. 6, № 2, с. 411–424.
7. Сеземан, В. (2018), Рукопись. Проблема духовной красоты (1950–1955). Далюс Йонкус (подг.), *Horizon. Феноменологические исследования*. т. 7, № 2, с. 542–545.
8. Sesemann, V. (2010), *Aesthetic Culture and Aesthetic Education*, in: Sesemann, V., *Selected Papers*, trans. from Lithuanian by Drunga, M. ed. by Drunga, M. and Donskis, L., introd. by Sverdiolas, A., Amsterdam and New York: Brill, pp. 33–38.

9. Sesemann, V. (2010), Physical Education and Aesthetic Culture, in: Sesemann, V., *Selected Papers*, trans. from Lithuanian by Drunga, M. ed. by Drunga, M. and Donskis, L., introd. by Sverdiolas, A., Amsterdam and New York: Brill, pp. 39–44.

10. Сеземан, В. (2021), Спорт и современная культура, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, т. 25, № 3, с. 533–539.

11. Sesemann, V. (2010), The Issue of National Culture, in: Sesemann, V., *Selected Papers*, trans. from Lithuanian by Drunga, M., ed. by Drunga, M. and Donskis, L., introd. by Sverdiolas, A., Amsterdam and New York: Brill, pp. 49–54.

Статья поступила в редакцию 13 марта 2022 г.;
рекомендована к печати 5 апреля 2022 г.

Контактная информация:

Белов Владимир Николаевич — д-р филос. наук, проф.; belov-vn@rudn.ru

Art and culture: Aesthetic ideas of V. E. Sesemann*

V. N. Belov

Peoples' Friendship University of Russia,
6, ul. Miklukho-Maclaya, Moscow, 117198, Russian Federation

For citation: Belov V. N. Art and culture: Aesthetic ideas of V. E. Sesemann. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 2, pp. 231–241.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.207> (In Russian)

The article provides an analysis of the aesthetic views of one of an interesting and original, but still, unfortunately, little studied Russian philosopher, V. E. Sesemann (1884–1963). Aesthetics occupied a leading position in Sesemann's philosophical constructions, while remaining fully embedded in the philosophy of the Russian thinker. Continuing the traditions of transcendental philosophy, Sesemann considers aesthetics as a general theoretical discipline that combines all private and separate studies of the theme of beauty. As in his theory of knowledge, the fundamental element of his aesthetics is the phenomenon of experience, which is the general pre-subject basis of Sesemann's entire philosophical system. At the same time, however, aesthetic experience, in contrast to experience as such, is experience of a special kind. When identifying the specifics of aesthetic experience, the Russian philosopher attaches special importance to the study of the problem of form, which explains his attention to the work of Russian formalists. Arguing with the formalists and the German art theorist Heinrich Wölfflin and defending the nature of the form as lively and rhythmic, he also sees the positive aspects of these teachings. Sesemann develops his aesthetic ideas in a discussion with contemporary aesthetic theories. It is emphasized that Sesemann addressed the problems of aesthetics throughout his life and expressed his views on a variety of aesthetic problems: from theoretical and methodological to concrete practical and even applied ones. In his aesthetic concept, the Russian philosopher Vasily Emilevich Sesemann tries to productively synthesize neo-Kantian and phenomenological approaches.

Keywords: aesthetics, culture, art, art form, formalism, neo-Kantianism, phenomenology.

References

1. Botz-Bornstein, T. (2006), *Vasily Sesemann Experience, Formalism and the Question of Being*, Amsterdam, New York: Rodopi.

* This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

2. Sesemann, V.E. (1927), Art and Culture (on the Problem of Aesthetics), *Versty*, no. 2, pp. 185–204. (In Russian)
3. Sesemann, V.E. (1922), Aesthetic appreciation in the history of art. (On the question of the connection between the history of art and aesthetics), *Mysl'. Journal of the Petersburg Philosophical Society*, ed. by Radlov, E.L. and Lossky, N.O., no. 1, pp. 117–147. (In Russian)
4. Sesemann, V. (2007), *Aesthetics*, trans. from Lithuanian by Drunga, M., ed. and introd. by Donskis, L., Amsterdam and New York: Rodopi.
5. Sezemanas, V. (1925), On the nature of the poetic image, in: *Humanitario faculteto raštai*, book 1, Kaunas, pp. 425–481. (In Russian)
6. Belov, V.N. (2017), Modern studies of Wassily Seseman's work abroad, *Horizon. Phenomenological Research*, vol. 6, no. 2, pp. 411–424. (In Russian)
7. Sesemann, V. (2018), Manuscript. The problem of spiritual beauty (1950–1955). Dalius Yonkus (undergraduate), *Horizon. Phenomenological research*, vol. 7, no. 2, pp. 542–545. (In Russian)
8. Sesemann, V. (2010), Aesthetic Culture and Aesthetic Education, in: Sesemann, V., *Selected Papers*, trans. from Lithuanian by Drunga, M. ed. by Drunga, M. and Donskis, L., introd. by Sverdiolas, A., Amsterdam and New York: Brill, pp. 33–38.
9. Sesemann, V. (2010), Physical Education and Aesthetic Culture, in: Sesemann, V., *Selected Papers*, trans. from Lithuanian by Drunga, M. ed. by Drunga, M. and Donskis, L., introd. by Sverdiolas, A., Amsterdam and New York: Brill, pp. 39–44.
10. Sesemann, V. (2021), Sport and modern culture, *RUDN Journal of Philosophy*, vol. 25, no. 3, pp. 533–539. (In Russian)
11. Sesemann, V. (2010), The Issue of National Culture, in: Sesemann, V., *Selected Papers*, trans. from Lithuanian by Drunga, M. ed. by Drunga, M. and Donskis, L., introd. by Sverdiolas, A., Amsterdam and New York: Brill, pp. 49–54.

Received: March 13, 2022

Accepted: April 5, 2022

Author's information:

Vladimir N. Belov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; belov-vn@rudn.ru